

Прогрессизм и социализм сегодня

Беседа Энтони Барнетта и Кирилла Кобрин

Энтони Барнетт (р. 1942) – британский журналист, политический активист. В 2001 году стал одним из сооснователей медиаплатформы «корепДетосгасу». Автор и соавтор десяти книг и многочисленных публикаций в прессе.

Кирилл Рафаилович Кобрин (р. 1964) – историк, литератор, шеф-редактор журнала «Неприкосновенный запас», автор (и соавтор) более двадцати книг.

В самом начале 2023 года у нас с Энтони Барнеттом – в связи с его только что вышедшей книгой «Taking Control! Humanity and America after Trump and the Pandemic» (London: Repeater, 2022) – завязалась переписка по поводу левой политической повестки в англоязычном мире. В какой-то момент Энтони прислал мне свою статью об «окончательных», «несомненных», «дефинитивных» левых, которые, по его мнению, имеют шанс на успех в 2023-м, и спросил, что я об этом думаю. Я ответил, он ответил на мой ответ, а потом попросил меня написать еще и заключительную реплику. Вышла своего рода минидискуссия, которая – помимо самой по себе важной темы – может представлять интерес как диалог, ведущийся из двух перспектив. Из перспективы ветерана левого демократического движения в Великобритании и США – и из перспективы европейского социалиста с советским (и отчасти российским) бэкграундом. Ниже мы публикуем перевод этого эпистолярия – слегка отредактированный и сокращенный. [Кирилл Кобрин]

1

Дорогой Энтони,

Спасибо за приглашение обсудить вашу статью. Я ее прочел; она показалась мне очень важной – особенно в настоящий исторический момент. В наше время крайне редко можно услышать по-настоящему оптимистическое высказывание, сделанное из левой части политического спектра. Неважно, во всем ли я согласен с вами, само намерение определить своего рода прогрессивную перспективу современного движения к справедливому обществу бесценно. Вы же помните тезис Маркса: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его». Возможность серьезного разговора о прогрессивном будущем уже есть начало изменения мира в лучшую сторону. По крайней мере, в 2023 году.

Политическая мысль не является (и никогда не была) лишь анализом или интерпретацией существующей (или завершившейся) ситуации или некоего исторического периода; она всегда содержит в себе намерение изменить порядок вещей, пусть это намерение (или даже просто желание) скрыто и не отрефлексировано как таковое самим автором. В вашей статье обсуждается – в каком-то смысле уже реализуемый – консенсус по поводу возможности прогрессивных изменений, (внезапно) возникший в 2022 году. Это прекрасно.

И, да, я совершенно согласен с тем, что эти возможности добиться немалого действительно появились именно сейчас. Совсем уже дикое крыло республиканцев теряет позиции в Соединенных Штатах, пусть и медленно. Болсонару проиграл выборы в Бразилии. Как и два года назад в Вашингтоне, попытка мятежа перед инаугурацией левого кандидата Лулу – арьергардные бои отступающей армии. Более того, я разделяю вашу оценку президентства Байдена, о чем вы говорите в статье, а еще больше – в нашей предшествующей переписке. Политика Байдена – медленное, но верное движение в правильном направлении; к счастью, ее успехи заслонены медиашумом вокруг многочисленных политических скандалов в США, что дает возможность делать важнейшие улучшения в жизни страны малозаметным способом, спокойно, прагматически.

Политическая мысль не является лишь анализом или интерпретацией ситуации или некоего исторического периода; она всегда содержит в себе намерение изменить порядок вещей, пусть это намерение скрыто и не отрефлексировано самим автором.

Наконец, новая «прогрессивная повестка» (экология + феминизм + права человека в целом + более справедливое общество) действительно имеет шанс консолидировать общественную поддержку во многих странах и одержать верх над крайне правой повесткой (национализм + псевдотрадиционализм + анти-системный активизм). Но в то же время именно здесь таится главная проблема, даже, пожалуй, главная опасность, для «прогрессивной повестки».

Прошу прощения за мой старомодный марксизм, но «прогрессивная повестка» слишком неопределенна, отчасти бесформенна. Так мне представляется. В основном она имеет дело с довольно абстрактными политическими формами и идеями и адресована слишком многим социальным и национальным группам. Нередко она попросту противоречит интересам тех, кто,

как предполагается, должен поддерживать «прогрессивную повестку» по умолчанию. К примеру, угледобывающая индустрия безусловно вредна для окружающей среды. Это одна из причин закрытия угольных шахт повсюду в так называемой «цивилизованной» (то есть Западной, Северной и отчасти Центральной) Европе. В результате эта часть мира стала зависимой от российского газа – со всеми вытекающими последствиями экономического и политического характера. Эта зависимость развязала руки Владимиру Путину в отношении Украины, так как российский режим был уверен, что трусливые западные неженки предпочтут привычное экономическое *status quo*, пусть даже и упакованное в – как обычно пустое – риторическое либеральное негодование по поводу авторитаризма и милитаризма России.

Сейчас мы знаем, что Путин просчитался. Но обратите внимание, что далеко не самые политически прогрессивные страны возглавили антироссийскую коалицию. Нет, это как раз не очень либеральные Польша, Литва, Латвия, Эстония, Румыния плюс британские консерваторы-брекзитеры. Особняком стоит разве что Чехия. И одним из наиболее эффективных инструментов сопротивления путинской России стал (отчасти, конечно) упор на возвращение к «нечистым» источникам энергии – углю, атому и так далее. С точки зрения прогрессистов (соответственно, с точки зрения дефинитивных левых) это решение абсолютно оправданно, ибо ведет к победе над реакционным российским режимом. Но, с другой стороны, оно противоречит одному из наиболее важных элементов «прогрессивной повестки» – экологическому.

Можно обнаружить немало похожих актуальных политических и социальных парадоксов. Здесь же кроется причина того, почему крайне правый популизм столь привлекателен для людей: он стремится изобразить себя весьма *практическим* ответом на неопределенные фантазии оторванных от реальной жизни либералов и леваков. Это, конечно, ложь, но трюмы и фараджи гораздо более удачливы в подобной риторике, нежели прогрессисты.

Однако мои главные сомнения касаются стратегии. Дефинитивные левые – очень хорошая тактическая идея, она действительно может помочь в нынешних политических кампаниях и схватках. Но что дальше? Хорошо, предположим: демократические процедуры будут надежно защищены и даже усилены. Устойчивость демократических институтов подтверждена. Некоторые срочно необходимые законы, касающиеся экологии и защиты уязвимых социальных групп, приняты. Но именно в данной точке разные социальные группы и политические движения, которые сформировали «прогрессивную коалицию», начнут расходиться в разные стороны.

Политические представители прогрессивно мыслящей части среднего класса предпочтут остаться в этом новом-старом *status quo*, в улучшенной (и даже более справедливой) версии позднекапиталистической системы. Но те, кто недоволен самой этой системой, они вряд ли останутся на данном этапе – а их большинство. Назовите это большинство прекариатом или еще как – в данном случае неважно. Безработные, работники на временных контрактах или совсем без контрактов, не получающие зарплату интерны, работники из подавляющего большинства стран за пределами Западной и Центральной Европы, Северной Америки, Австралии и Новой Зеландии... Для них эта система – даже в улучшенном виде – не дает никакой надежды.

Очень скоро они поймут, что никакие «прогрессивные коалиции», никакие дефинитивные левые не являются их подлинной политической репрезентацией. Все эти люди остро нуждаются в практическом улучшении их жизни. Но в то же время они нуждаются в ясной перспективе того мира, в котором они могли бы играть иную, лучшую, более важную роль, причем не только как индивидуумы, но и в качестве членов самых разных социальных (этнических, религиозных и так далее) групп. Только новая разновидность социалистической идеи с мощным привлекательным образом будущего может удовлетворить эти – пока еще не оформленные – ожидания.

Простите за монструозное письмо! Было очень интересно читать вашу статью, Энтони, думать о ней, формулировать собственные соображения.

Всего доброго
Кирилл Кобрин

2

Дорогой Кирилл,

Спасибо за ваше письмо – оно вовсе не «монструозное», а напротив, очень содержательное и щедрое! Для меня честь состоять с вами в переписке. Перечитывая ваше трехчастное эссе 2020 года для «openDemocracy»¹, излагающее возможные варианты будущего для России, я вижу, как точны были многие

1 KOBRIK K. *To Avoid Descent into Barbarism, Russia Needs Real Socialism* // openDemocracy. 2020. December 21 (www.opendemocracy.net/en/odr/democratic-socialism-russia-barbarism/); ИДЕМ. *Russia's Liberal Intelligentsia and the Post-Putin Consensus* // openDemocracy. 2020. December 22 (www.opendemocracy.net/en/odr/russia-liberal-intelligentsia-post-putin-consensus/); ИДЕМ. *Sliding into Isolation: Russia and the World* // openDemocracy. 2020. December 23 (www.opendemocracy.net/en/odr/russia-isolation-kobrin/).

ваши соображения – особенно горько звучащие сейчас. В числе прочего вы писали о том, как опрометчивая вера в несокрушимость выстроенной им системы роднит Владимира Путина с Николаем I, и о том, как важно не допустить превращения России в Северную Корею...

Вы так прозорливы, что не соглашаться с вами кажется неразумным.

Однако, приветствуя мое описание дефинитивных левых, которые борются за столь необходимые демократические и экологические изменения, вы при этом воспринимаете их как простой тактический реформизм. Как нечто, что неизбежно разочарует большинство людей на планете, которые нуждаются в практических улучшениях и одновременно желают видеть впереди убедительный образ лучшего мироустройства, способный заменить *существующую систему*, – на этом вы делаете акцент. В самом деле, вы говорите, что большинство хочет «социализма», а не облагороженной, более справедливой версии позднекапиталистической системы.

Подняв вопрос о «системе», вы указали на ключевой момент, которому мне следует уделить больше внимания. Но феномен дефинитивных левых, который я описываю и, да, поддерживаю, не является тактической программой.

Социализм как идеология потерпел крах. Тем не менее, несмотря на его полное поражение, после 1970-х сформировались определенные силы, которые сопротивляются рыночным ценностям сегодняшнего ультракапитализма – даже при том, что сами вышли из-под него (их органичность, напротив, делает их более живучими). И эти силы сопротивления по природе своей имеют системное сознание.

Экологическое мышление имеет здесь ключевое значение. Феминизм, права человека, борьба с дискриминацией, интерсекциональность, комплексное здравоохранение, включая меры реагирования на пандемии, – во всех этих вопросах важна не только личная выгода, но и взаимосвязь элементов.

И хотя плоды громадного технологического прогресса нашего времени могут быть использованы против нас, они, несомненно, расширяют наши социальные возможности. Очевидным примером служит создание киберпространства, в котором мы все обитаем.

Это означает, что молодое поколение, особенно сейчас, обладает таким типом мышления, что смотрит на общую картину, стремится понять и изменить общество как систему. Естественно, это касается и изменения экономической системы, порождающей столь ошеломляющее ультракапиталистическое неравенство. Но, поскольку их системное сознание возникло не на почве социализма, нет нужды определять его как стремление

к социализму. Понятие тотальности в XX веке впервые ввели марксисты; в XXI веке у них больше нет на него монополии.

В качестве примера того, как зарождающееся течение дефинитивных левых характеризуется страстью к взаимосвязи элементов, я процитирую Элизабет Уоррен: «Американцы понимают, что экономическое благополучие семей *неразрывно* связано с демократией и правами личности». И в своих взглядах она не одинока. В статье я называю это «двойной спиралью», которая соединяет усиление демократических процессов с экономическими и социальными улучшениями. Эта грубая метафора призвана показать, что только из *сочетания* элементов может сложиться «ДНК», способная обеспечить выживание и рост влияния дефинитивных левых идей. Так что я не воспринимаю их подход как чисто тактический, а вижу потенциал для весомых преобразований.

ЭТНОНИ БАРНЕТТ –
КИРИЛЛ КОБРИН

ПРОГРЕССИЗМ
И СОЦИАЛИЗМ СЕГОДНЯ

Молодое поколение стремится понять и изменить общество как систему. Но, поскольку их системное сознание возникло не на почве социализма, нет нужды определять его как стремление к социализму.

Кроме того, я считаю невозможным возврат к «облагороженной, более справедливой версии» патерналистского капитализма, к которому, по вашему мнению, стремятся дефинитивные левые. Именно поэтому текущая ситуация чрезвычайно опасна. В период после правления Рейгана и Тэтчер в жертву рынку были принесены старые авторитеты – такие, как церковь, государство и образование. Капитализм перестал быть консервативным. Он разрушил традиционные механизмы лояльности и почтения, заменив их индивидуальным потребительством и политическим фатализмом, до боли нам знакомыми.

Затем масштабный финансовый кризис 2008 года подорвал рыночную идеологию. Пока левоцентристы продолжали цепляться за нее, считая ее неприкасаемой, сверхбогатые американцы почуяли опасность и в попытках сохранить собственные привилегии зажгли костер популизма с Трампом в качестве своего лидера. Вы метко определили это как национализм + псевдотрадиционализм + антисистемный активизм.

В таких обстоятельствах вы совершенно правы, говоря, что большинство не удовлетворится пустыми «улучшизмами» от политической элиты и потребует стратегию построения лучшего мира. Если людям ее не предложат – и в этом-то заключается опасность, – они найдут опору в авторитаризме и милитаризме, которые снабдят их идеологией и позволят дать выход гневу.

Видит ли большинство ответ в социализме? Или в «социализмах» во множественном числе, как предполагал Реймонд Уильямс до того, как перешел к более многомерной концепции «жизнедеятельности» (*livelihood*)? Джон Александер, автор книги «Граждане»², отвечая на мою статью, согласился с тем, что революционное гражданское движение существует, но отметил, что его вовсе не нужно записывать в левые! Зеленые понимают, что капитализм необходимо сдерживать, чтобы планета не погрузилась в острейший экологический кризис, но они отказываются от классовой политики.

Совместим ли капитализм с подлинной демократией? Китай доказывает, что современным капитализмом действительно можно управлять. Но возможно ли это исключительно в рамках авторитарного режима? В книге «Taking Control!» я прихожу к выводу, что мы не знаем ответа, и единственный способ узнать его – разработать и изобрести настоящую демократию и подвергнуть ее испытанию. Если движение дефинитивных левых продолжит расти, если они расширят свои полномочия и если преуспеют в установлении иного подхода к власти, они смогут задавать критерии перемен, выходящие за рамки только лишь «реформизма» или «социализма».

Любой подобный процесс также неизбежно будет внутригосударственным. И вот мы с вами вынуждены беспомощно наблюдать со стороны, как обе наши страны впадают в регресс! И России, и Англии нужна демократическая революция. Не только для того, чтобы избавить их соседей и весь мир от воинственной тяги, лежащей в самой основе их государственности – тяги вернуть то имперское величие, которым они некогда обладали. Но также и для того, чтобы все жители этих стран получили возможность быть дефинитивными левыми.

Еще раз благодарю за письмо. Обнимаю вас,
Энтони

3

Дорогой Энтони,

На самом деле я благодарен вам еще и за возможность обсудить тему, которая представляется мне самой интересной и важной в наше время. Это тема (даже проблема) «перемен». «Перемены» – как идея, как концепт и особенно как образ (если

2 ALEXANDER J. *Citizens: Why the Key to Fixing Everything is All of Us*. London: Canbury Press, 2022.

не сказать «миф») – уже довольно давно были апропрированы посредственными спичрайтерами и коммерческой рекламой, которые совместными усилиями сделали их, безусловно, положительным феноменом и – конечно – весьма желаемым. «Наше общество нуждается в переменах», «Мы ждем перемен!» и так далее. «Мне необходимо поменять свою жизнь, поэтому я решил купить новую кофемашину».

На самом же деле «изменение», или «перемены», есть лишь пустая форма; в социальном поле это – индивидуально или коллективно, неважно, бывает и так и так – истерическое, конвульсивное проявление насущного желания избавиться от смертельно надоевшей, раздражающей рутины. Русские формалисты сказали бы, что «перемены» есть попытка «сломать автоматизм» восприятия повседневности и обычного ритуализированного поведения. Содержание, направленность перемен возникают только в результате слома автоматизма, то есть самих перемен. Иными словами, смысл любых перемен запрятан глубоко внутри их самих, в самом их процессе, будучи неизвестен, неизнаваем до того момента, когда этот процесс достигнет точки невозврата.

Содержание, направленность перемен возникают только в результате слома автоматизма. Смысл любых перемен запрятан в самом их процессе, будучи неизвестен до того момента, когда этот процесс достигнет точки невозврата.

Сказанное выше не просто любительское рассуждение о терминологии и политической философии языка. Именно здесь, как мне кажется, следует искать источник сложности восприятия (а попросту – непонимания) современными левыми крайне правого популизма. Левые, в основном, считают это движение результатом сознательного жульничества, грязных трюков воротил крупного бизнеса, неolibеральных политиков и их подручных – политических консультантов, политтехнологов и тому подобных. Безграмотная толпа, которой манипулирует злой богатый обманщик. Отчасти – но только отчасти – это правда. Но, прежде всего, толпа эта не столь уж безграмотна; многие в ней знают многое – только вот область их познаний и интересов находится вне контекста привычного мейнстримного западного образования, мейнстримной культуры и образа мысли. Я назвал бы ее не «маргинальной», а «нерегулярной», от английского *regular* – обычный, привычный. Нерегулярная область, но все равно «западная», конечно. Она образовалась

ЭНТОНИ БАРНЕТТ –
КИРИЛЛ КОБРИН
ПРОГРЕССИЗМ
И СОЦИАЛИЗМ СЕГОДНЯ

в результате своего рода взрыва, восстания иррационального способа мышления, казалось бы, погребенного под Храмом Западного Радио. Любопытно, что на самом деле это не так. Нерегулярная область не *погребена под*, а *есть часть этого Храма*, один из краеугольных камней его основания. Крайне правая популистская толпа иррациональна, это правда, но она настаивает на своей подлинной рациональности, противопоставляя ее ложной, неподлинной рациональности либерального порядка вещей, который, по мнению данной толпы, глуп и иррационален по своей натуре.

Так что здесь мы наблюдаем следующее. Изначальные усталость и раздражение большого количества людей, ежедневно сталкивающихся с несправедливостью, неравенством, некомпетентностью как бы либерального государства и прочих институций, имеющих дело с агрессивным идиотизмом попкультуры, с разрушением системы образования, – все это подталкивает большинство к острому ощущению необходимости перемен. Причем *любых перемен*, лишь бы остановить рутину того, что есть сейчас. И только когда эти люди начинают требовать политических и социальных перемен, участвовать в их осуществлении – только тогда они начинают догадываться и формулировать для себя их направление. В этой точке содержание, смысл чаемых перемен начинает возникать и оформляться как таковой. Участники популистских движений поначалу часто не имеют устоявшихся политических взглядов; и тем более у них нет идеологии. Они создают все это для себя в процессе политической деятельности, в частности, в ходе налаживания контактов и общения с другими участниками того же движения, с другими людьми из той же толпы. Неолиберальные «обманщики» могут организовать эту толпу, руководить ею, направить против своих политических оппонентов и так далее. Но, собственно, сам позыв к переменам, первые политические жесты, начало индивидуального и коллективного процесса наделения перемен неким политическим смыслом – все это происходит на первой, неотрефлексированной, почти бессознательной стадии любого популистского движения, правого или левого, неважно.

Иными словами, этот позыв к переменам меняет свою природу, трансформируясь из психологического в политический в самом процессе своей реализации в общественном поле. В данной точке – точнее, на данном этапе – политический дискурс, его ключевые слова начинают играть ключевую роль. Именно поэтому реабилитация понятия «социализм» и возвращение его положительной коннотации столь важны, особенно в США. Ведь в этой стране достаточно назвать кого-то «социалистом» – значит почти наверняка погубить его/ее политическую кампа-

нию, амбиции, в конце концов, карьеру. Хуже разве что обозвать кого-то «коммунистом».

Нынешние негативные коннотации понятий «социализм» и «социалист» обычно объясняют наследием «холодной войны». Позволю себе высказать сомнение по этому поводу. «Холодная война» закончилась больше тридцати лет назад. Новые поколения на Западе выросли в условиях скорее недостатка социализма (социального государства), нежели его избытка. Конечно, сейчас есть несколько примеров «плохого социализма» – возможно, это Венесуэла, Куба, Беларусь. Северная Корея, конечно же, не имеет ничего общего с социализмом. Китай невозможно считать ни социалистическим, ни тем более коммунистическим.

Я очень обрадовался, что вы вспомнили термин Реймонда Уильямса «социализмы», во множественном числе. Социализмов было много – да и сейчас их несколько. Все они ведут свое происхождение из одного источника, но позже пути их разошлись. То, что их объединяет, – это идея справедливого (не *более справедливого*, а просто *справедливого*) общества, основанного на балансе между индивидуальным и коллективным. В отличие от коммунизма, ни один из этих социализмов не основан на концепции классового общества в чистом виде, ни один из них не обещает в будущем бесклассового рая. Социализмы не содержат в себе предсказание Классового Страшного Суда. В самых лучших своих проявлениях социализмы скорее ближе к древнегреческой (отчасти древнеримской) идее культивации личной и социальной жизни, в каком-то смысле – к античной *epimeleia heautou*, «заботе о себе», но только в современной форме. С этой точки зрения Элизабет Уоррен, конечно же, социалистка – в гораздо большей степени, чем все нынешние кубинские лидеры вместе взятые. (Я случайно оказался на одном из предвыборных митингов Уоррен в Айове осенью 2019 года и был поражен ее гражданским темпераментом, даже страстью). Впрочем, Уоррен можно назвать и «другой социалисткой».

Я нагромоздил здесь все эти псевдотеоретические конструкции, пытаюсь непрямо намекнуть на возможность слияния дефинитивных левых с социализмом, первой стадии борьбы за справедливое общество с последующей. Повестка дефинитивных левых является – если смотреть из этой перспективы – социалистической по своей природе. Проблема заключается в том, как перейти от идеи поддержания и защиты неидеального, но, в целом, хорошего порядка вещей к модусу перемен. Демократия, зеленая политика, идея гендерного равенства – все это уже *существует в нашем мире*, они его часть, но скорее пока больше как проекции, как возможность, как пустые

ЭНТОНИ БАРНЕТТ –
КИРИЛЛ КОБРИН

ПРОГРЕССИЗМ
И СОЦИАЛИЗМ СЕГОДНЯ

политические и идеологические формы, требующие наполнения конкретным политическим, социальным, экономическим содержанием. И политически этот процесс может развиваться только в модусе перемен, иначе его никогда не одобрит большинство, так как оно не почувствует, что все это имеет прямое отношение к его жизни. Именно здесь социализмы (множественное число) встречаются с прогрессизмом (единственное число). Они порождения модерности, но если последний – об улучшении реальности, то первые – о решительной трансформации самой природы реальности. Прогрессизм пытается сделать капитализм как систему лучше, социализмы из материала капитализма пытаются создать нечто новое, нечто лучшее.

Увы, опять, вместо реплики, я написал небольшой трактат... Боюсь, это единственное, что по-прежнему роднит меня с русской культурой – патентованная мегаломания причудливых политических фантазий.

Всего наилучшего!
Ваш
Кирилл Кобрин

Перевод с английского Марии Ермаковой